

ПОПУГАЙ

РАССКАЗ

САРВЕШВАР ДАЯЛ САКСЕНА

ПОПУГАЙ!! — завизжала жена. Я бросился в кухню. Невесть откуда взявшийся попугай подбирал муку, просыпавшуюся из миски. Попугай был неказистый — худущий, красный клюв в грязи, перья тускло-зеленые, взъерошенные — а птицы ведь красивы своей гладкостью. Но он сразу подкупил меня бесстрашием и полным пренебрежением к нашему присутствию на кухне. Мне даже подумалось, что отвага — одна из составных частей красоты.

— Откуда он явился? — одобрительно поглядывая на попугая, спросил я.

— Понятия не имею. Явился и набросился на муку, будто с голоду умирает. Ты посмотри, как он ест!

Жена разглядывала попугая с состраданием. — Очень может быть, что и умирает, — ответил я, размышляя над тем, чем, собственно, вызвано это ее сострадание. Попугай, которому полагалось бы порхать в саду, явился вместо этого на кухню и спокойно убирает, что ему по вкусу, — что поразило ее, почему его надо жалеть?

Сарвешвар Даял Саксена (род. в 1927 году) — индийский поэт и новеллист. Пишет на языке хинди. Автор четырех поэтических сборников и одного сборника рассказов.

— Жалко, что не прямо из миски ест, — заметил я.

— Почему?

— Ты б его сразу перестала жалеть.

Жена задумалась.

— Скорей всего он ручной и вылетел из клетки. Иначе он боялся бы людей.

Как мы отвыкли от смелости, подумал я, нам необходимо как-то объяснить всякое ее проявление, будто смелость противоестественна.

Попугаю поставили чашку с водой, он оставил муку, попил воды и почистил клюв о край чашки. Потом взлетел и уселся на овощную корзинку, подвешенную к потолку. Заглянул в корзинку, спокойно зацепил когтем маленькую тыкву и начал ее расклевывать.

Отвага превращалась в спектакль.

— Набрось тряпку на корзинку, и мы его поймем. Будем в клетке держать!

Наслаждение спектаклем превращалось в хитрый расчет.

Я засмеялся.

— Не тюрьма должна быть наградой отважным! А если б тебя посадить в клетку?

— Но он же ручной, он явно привык жить в клетке! — нетерпеливо возразила жена. — И потом: если он улетит, его заклюют другие птицы, ты что, не знаешь?

— Может, и он это знает, да вот избрал-таки свободу. Значит, мы за него не отвечаем, он сам должен заботиться о своей безопасности.

— Ну и что? Сейчас все держат попугаев!

Моя жена никогда не понимала, что есть вещи, которые не становятся достойными, даже если их делают все подряд.

— Давай не трогать его. Пусть сидит в корзине, сколько ему захочется. А захочет улететь — пускай летит. Так будет справедливо, — решил я и вернулся к письменному столу.

Скоро о бесстрашном попугае узнали все соседи, и число зрителей начало увеличиваться. Попугай позволял желающим разглядывать себя на расстоянии, но угрожающе щелкал клювом, как только к нему пытались приблизиться. Зрители не собирались идти на риск. Они соблюдали дистанцию, установленную птицей, и, глядя издали, строили планы поимки попугая. Попробовали набросить ему на лапку шпатель, но попугай выпутался из петли и, поняв, что его не оставят в покое, убрался с корзины подальше. Зрителям стало известно, а я порадовался за попугая — значит, понимает, что никто не терпит чрезмерной смелости.

нии, сливается и контрастирует с окружением Шантиникетона, где она установлена.

Непокорные охотники, санталы не раз на протяжении истории борьбы индийского народа за независимость отстаивали право на свой образ жизни. Рамкингер увидел их лица настороженными и недоверчивыми, их тела напряженными, но голова женщины доверчиво и ласково повернута к

плечу мужчины — ее защитника. Этот же контрастный динамизм отличает и фугу «Урожай»: она вырастает из земли, прочная и весомая, как сама земля, а взметнувшиеся в резком движении руки только что вырвали из земли то, что она родила и что будет источником жизни человека.

Скульптура Рамкинкера самым характером его таланта предназ-

начена не для музеев, а для открытых пространств, она органически слита с беспощадным солнцем и неудержимыми муссонными ливнями Индии.

Когда Рамкингеру задают вопросы о назначении искусства или о роли художника, он обыкновенно отвечает, что художник откликается на требования своей эпохи прежде, чем эпоха сумеет их сформулировать. «Художник

К вечеру, когда жена начала готовить ужин, попугай вернулся в кухню и показал, что он не только отважен, но и умен. Поужинав и попив из чашки, он вылетел на веранду и устроился на проволоке, протянутой под потолком.

Жена заволновалась:

— Он всю ночь так просидит?

— Ну и что?

— А если его кошка схватит?

— Кошка его и на дереве может схватить.

Жену все терзало тревожное предчувствие. Она поглядывала на попугая и явно искала решения возникшей проблемы. Попугай закрыл глаза, уткнул клюв в перья и заснул.

Жена вымыла посуду, прибрала на кухне. Глаза ее оставались беспокойными.

— Уселся у самого столба, — сказала она. — Любая кошка залезет.

— А почему ты так боишься за него? — спросил я.

— Потому что он в моем доме.

— Ты о нем должна беспокоиться или он сам?

— Он должен.

— Ну так пусть сам решает, жить ему или умереть.

Ответить жене было нечего, но я по глазам видел, что она продолжает думать о своем.

Она долго не ложилась спать, а когда наконец легла, оставила окна чуть приоткрытыми, чтоб видеть с кровати попугая.

— Да спит он! — не выдержал я. — Спит, ни о чем не беспокоится, ничего не боится. А ты никак не уймешься.

Я все старался понять, почему ее так волнует безопасность попугая: потому ли что уж очень это редкий случай, чтоб попугай влетел в дом, или потому, что она действительно почувствовала к нему симпатию? Всяких ведь летучих и ползучих тварей она сама уничтожала — и ничего, вон их сколько погибло в нашем доме, так почему же вдруг страх за попугая?

— Красивый, по-твоему, попугай?

— Нет.

— Ну так спи ты, ради бога.

Жена закрыла глаза. Я скоро заснул, но спал недолго. Жена сидела на кровати.

— Что случилось?

— Там какой-то шорох. Я думаю — кошка.

Попугай блаженно спал на проволоке.

— Может быть, отодвинуть его подальше от столба? — размышляла жена.

— Не трогай ты его. Видишь — спит!

Я лежал, размышляя о том, что люди боятся смерти больше, чем животные, — боятся и собст-

БАРАБАН И ВСЕВЫШНИЙ

Индийская притча

— *Всевышний, — обратился к богу Барабан, — почему меня всегда бьют, когда совершают молитву в твою честь? Чем я провинился перед тобой?*

— *Те, что возносят молитву в мою честь, — ответил Всевышний, — и бьют в барабан, — они не молятся. Истинная молитва не нуждается в том, чтобы ее сопровождали барабанным боем.*

венной смерти, и чужой. Я знал, что жена не спит и смотрит в темноту широко раскрытыми глазами.

— Если б у нас клетка была... — повернулась она ко мне.

— Когда человек несвободен от страха, он ограничивает и собственную свободу, и свободу других. Какая еще клетка, когда попугаи вообще спят под открытым небом!

Жена промолчала. Немного погодя, она снова заворочалась.

— Ну? — спросил я.

— Пойду передвину его на середину проволоки.

— Что хочешь делать, только чтоб потом заснула. Сама не спишь и мне не даешь.

Жена встала, взяла палку и осторожно потыкала ею попугая. Попугай захлопал крыльями и улетел во тьму ночи.

— Птицы видят в темноте? — виновато спросила жена.

— Только не попугай.

— Так... — Она растерянно замолчала. Потом улеглась поудобнее и сказала:

— По крайней мере он улетел из моего дома.

Жена повернулась на бок и скоро заснула. Я не спал. Я смотрел в черноту за открытым окном, где не видно было больше попугая, и размышлял о чувстве долга, присущем моей жене, и о том, как она этот долг выполняет.

Перевела с хинди
Мариам Салганик

не ожидает требований, — говорит Рамкингер, — он несет их в себе. Искусство ждет не требования, а только своего воплощения».

В Индии говорят, что первый художник на свете просил прощения у объекта своего изображения — у вселенной или бога: «О ты, что не имеешь формы, прости, что, богохульствуя, пытаюсь я навязать форму тебе».

Влюбленный в формы жизни, смерти и бессмертия, Рамкингер, даже не успевая просить прощения, торопится дать им человеческое осмысление и удержат, удержать, удержаты!

Для Индии сегодняшнего дня, для страны, создающей синтез прошлого с настоящим, необходимым для ее будущего, творчество Рамкингера — один из способов понять себя.

